

Вестник Европы

1866 том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 Вестник Европы: 1866 том 4 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 652 с.

ISBN 978-5-517-91919-9

Русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1866 по 1918 год в Санкт-Петербурге (продолжал традицию одноимённого журнала, основанного в 1802 году Н. М. Карамзиным). До 1868 года выходил ежеквартально, с 1869 года — ежемесячно. Редактор-издатель М. М. Стасюлевич (с 1866 по 1908 год). В журнале преимущественное внимание уделялось истории и политике. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1866 года

ISBN 978-5-517-91919-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Заключая первый годъ своей дѣятельности, Редакція «Вѣстника Европы», желала бы разъ на всегда объясниться по поводу обращенія къ намъ одного изъ органовъ нашей журналистики, когда вышелъ въ свѣтъ еще первый томъ нашего журнала. Намъ замѣтили, что «по первой книжкѣ «Вѣстника Европы» нельзя еще судить о его *направленіи*: оно еще не опредѣлилось; но новый журналъ, конечно, не замедлитъ его обнаружить съ полною самостоятельностью, опредѣленностью и искренностью: такими свойствами отличался «Вѣстникъ Европы» время Карамзина. Новая редакція, возобновляя это названіе въ заглавіи своего журнала, нѣкоторымъ образомъ обязывается послужить своимъ изданіемъ русской литературѣ и наукѣ столь же благо разумно и благородно, какъ нѣкогда служилъ ей авторъ «Исторіи Россійскаго государства». Какъ ни лестны возлагаемыя на насъ надежды, и какъ бы ни были пріятны возлагаемыя на насъ обязательства, но они все же слишкомъ общи, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго права дѣлать каковаго нибудь исключительнаго притязанія на «разумное и благородное служеніе русской литературѣ и наукѣ», и на «самостоятельность, опредѣленность и искренность», какъ на качества, которыми мы желали бы отличиться отъ прочихъ органовъ періодической печати. Все это составлять, по нашему убѣжденію, общее достояніе всѣхъ журналовъ; всѣ имѣютъ право дѣлать на то притязаніе, и мы не отличились бы ни отъ кого, еслибы вздумали заявить о томъ, что мы будемъ самостоятельны, опредѣленны и искренны; это даже цѣль вообще всякой дѣятельности, а не одной журнальной. Едва ли найдется таковой органъ печати, который, по крайней мѣрѣ, самъ не имѣлъ бы убѣжденія, что онъ дѣйствуетъ честно. Совсе не такимъ объявленіемъ желали бы мы доставить своему журналу особый характеръ и указать его направленіе: основывая журналъ *исто-*

рическихъ и политическихъ наукъ, мы довольно ясно выразили то, что можно собственно назвать его *направленіемъ*, и потому нашъ послѣдній томъ скажетъ тоже, что высказалъ *вполнѣ* первый.

Впрочемъ, другіе были справедливы къ намъ и поняли вѣрно цѣль нашего журнала, его направленіе и отношеніе къ современности.

«Есть формы, говорить одинъ изъ литературныхъ критиковъ, по поводу появленія перваго тома, которыя сами по себѣ вредятъ дѣлу, есть знамена, подъ которыми соглашеніе невозможно, или, по крайней мѣрѣ чрезвычайно трудно. Для новаго движенія необходимы, между прочимъ, и новыя дороги..... Мы согласны съ редакціей «Вѣстника Европы», что *интересъ къ историко-политическимъ наукамъ, ослабѣвшій въ последнее время, долженъ быть поддержанъ и по возможности усиленъ въ нашей публикѣ, что, рядомъ съ изученіемъ природы, должно идти изученіе умственной жизни человека, во всѣхъ проявленіяхъ ея; мы раздѣляемъ надежду, что для гуманитарныхъ наукъ, теперь нѣсколько пренебреженныхъ, опять настаетъ или, по крайней мѣрѣ, настанетъ болѣе благопріятное время. Журналъ, знакомящій публику съ лучшими произведеніями исторической науки у насъ и за границей, дающій мѣсто оригинальнымъ трудамъ по этой части, можетъ содѣйствовать во многомъ распространенію тѣхъ знаній, которыя такъ нужны въ настоящую минуту для нашего общества».*

Дѣйствительно, мы не имѣемъ ни другой цѣли, ни другого направленія, а рѣшеніе вопроса: таково ли содержаніе журнала, чтобы чтеніе его страницъ могло содѣйствовать къ «распространенію тѣхъ знаній, которыя такъ нужны въ настоящую минуту для нашего общества» — конечно, принадлежитъ не намъ. Идя на всѣхъ парахъ впередъ, отыскивая новыя формы для новыхъ идей, мы должны особенно часто оглядываться на пройденный нами путь, справляться съ исторіею прошедшаго. Но и при этомъ мы не должны никогда забывать превосходныхъ словъ нашего историка Н. М. Карамзина въ его письмѣ къ Тургеневу: «Жить есть не писать исторіи, не писать трагедіи или комедіи, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать, дѣйствовать....»

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

РОЖДЕНІЯ

ИСТОРИОГРАФА

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА

1^о ДЕКАБРЯ 1766 — 1^о ДЕКАБРЯ 1866.

ЛИТЕРАТУРА:

1789 — 90.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ПОЛИТИКА:

1802 — 1803.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ИСТОРІЯ:

1804 — 1826.

ИСТОРІЯ РОССИЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

„и Тушиномъ (такъ ли? есть ли тутъ рѣка Тушинъ?); къ востоку простирались равнины, укрѣпленныя валомъ и ровомъ, и (остались ли слѣды?) тутъ стояли Донскіе казаки, а Татары вдоль Москвы рѣки; на другой сторонѣ лагеря пѣхота и конница польская, также вдоль рѣки; за рѣкою Россіяне, служившіе Самозванцу.“

Вы меня весьма одолжите, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Будьте благополучны и благосклонны къ

Вашему покорнѣйшему

Н. Карамзину.

PS. Пишутъ, что у Самозванца было около 80,000 человекъ.

II.

И Д Е И

Н. М. КАРАМЗИНА

КАКЪ ПУБЛИЦИСТА,

Оды Александру I. — Похвальное слово Екаторинѣ II. — «Вѣстникъ Европы» 1802 и 1803 годовъ, подъ редакцію Карамзина. — Переходъ къ Исторіи російскаго государства.

Съ востшествіемъ на престолъ императора Александра, 12 марта 1801 года, начинается новая эра, какъ въ жизни литературной Карамзина, такъ и домашней. Онъ ожилъ и привѣтствовалъ молодого императора стихами, примѣчательными, если не въ отношеніи къ поэзіи, то въ отношеніи къ мыслямъ, ими выраженнымъ, къ желаніямъ, которыя, какъ видно изъ нихъ, господствовали въ большинствѣ русскаго образованнаго общества. Съ этой точки зрѣнія стихи дѣлаются историческимъ документомъ.

Карамзинъ съ самаго начала сравниваетъ востшествіе на престолъ Александра съ явленіемъ *весны*, которая приноситъ съ собою забвеніе всѣхъ мрачныхъ ужасовъ *зимы*, радуется обѣщанію Александра даровать златой вѣкъ Екаторины, когда милость вѣшала ея устами, и къ повиновенію подданные подвигались одною любовью. Поэтъ предвидитъ много великихъ дѣлъ, но желаетъ, чтобы они относились только къ миру, къ справедливому суду, къ благимъ нравамъ, коихъ дворъ долженъ представлять *образцы*; предостерегаетъ молодого государя отъ льстецовъ, которые описываются самыми черными красками; воспоминаетъ о Пожарскихъ

и Долгорукихъ, и заключаетъ изображеніемъ музъ, которыя, снимая съ себя черный венецъ, ожидаютъ благоволенія Александра.

Предложимъ нѣсколько строфъ изъ первой оды:

Россіи Императоръ новый!
 На тронѣ будь благословенъ.
 . . . . .
 . . . . .
*Такъ милая весна явленье
 Съ собой приноситъ намъ забавы
 Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
 Сердца съ природой разчитываютъ,
 И плоды во чистоту предекушаютъ,
 Весна у насъ, съ Тобой мы!
 Какъ Ангелъ Божій ты сіяешь,
 И съ первымъ словомъ общаешь
 Екатерину въкъ златой,*
 . . . . .
 Когда монаршими устами
 Въшала милость къ намъ одна,
 И правила людей сердцамъ;
 Когда и самая вина
 Не рѣдко ея отпущалась,
 И власть Монаршая казалась
 Намъ властію любви одной.
 . . . . .
 Воспитанникъ Екатерины!
 Тебя Господь Россіи далъ.
 Ты урву наша судьбины
 Для дѣлъ великихъ вострялъ:
 Еще ихъ много въ ней хранится,
 И духъ мой сладко веселится,
 Предвидя ихъ блестящій рядъ!
 Монархъ! довольно лавровъ славы,
 Довольно ужасовъ войны!
 . . . . .
 Ты будешь Геніемъ покоя;
 Въ Тебѣ увидимъ мы Героя
 Дѣлъ мирныхъ правоты святой.
 Возьми не мечъ, — осьи Фемиды,
 И бѣднѣй, не страшась обиды,
 Найдеть безъ злата вѣкъ златой.
 . . . . .
 Да царствовать блаже правы!

*Примеръ Двора для насъ законъ.
 Есть родъ людей, Царю опасный:
 Ихъ рѣчи какъ Индійскій медъ;
 Улыбки мила и прекрасны;
 По виду — ихъ добрѣ нѣтъ.
 Они всегда хвалить готовы,
 Всегда хвалы ихъ тонки, новы;
 Имъ нмѣ — шитрыя ласканы;
 Снаружи Ангеламъ подобны,
 Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
 И въ козняхъ адскихъ мудрецы.
 Они отечества не знаютъ;
 Они не любятъ и Царей,
 Но быть любимцами желаютъ,
 Корысть ихъ богъ: лишь служить ей.
 Имъ доступъ къ трону заградится,
 Твой слухъ во вѣкъ не обольстится
 Коварной, ложной ихъ хвалой.
 Ты будешь окруженъ друзьями,
 Россіи лучшими сынами;
 Отечество одно съ Тобой.
 Довольно патріотовъ вѣрныхъ,
 Готовыхъ жизнь ему отдать,
 Друзей добра не лицемерныхъ,
 Могущихъ истину сказать!
 У насъ Пожарскіе сіяли,
 И Долгорукіе держали
 Петру отъ сердца говорить;
 Великій соглашался съ ними,
 И звалъ ихъ братьями своими.
 Монархъ! Ты будешь насъ любить
 Ты будешь солнцемъ просвѣщенъ;
 Наукой счастливыхъ человекъ:
 . . . . .
 Се Музы къ трону приступая,
 И чернѣй крѣпъ съ себя снимая
 Твоей улыбки милой ждуть!
 Отъ сердца людей слышачаютъ;
 Отъ жизни нашу услаждаютъ,
 И образу Царя поютъ!*

Молодой государь прислалъ поздравителю брилліантовый перстень.

Въ одѣ на коронацію, Карамзинъ выразился еще тверже и яснѣе: онъ говоритъ здѣсь о законахъ для самодержавія, объ его отвѣтственности предъ небожъ, о гнусности рабства, о достоинствахъ свободы, которая одна только можетъ любить, а не бояться, которая мила и согласна съ пользою царей, которая можетъ существовать только тамъ, гдѣ есть уставы. Поэтъ идетъ въ храмъ исторіи, гдѣ надѣется найти дѣла Александровы:

.....
*Сколь трудно править самовластно
 И небу лишь отчетъ давать!*
 Но сколь велико и прекрасно
 Дѣлами Богу подражать!
 Его величьемъ нѣтъ препоны;
 Но онъ, творя, благотворить.
*Онъ можетъ все, но свято чтить
 Его жъ премудрости законы —
 И Фебъ въ сіяніи своемъ
 Течетъ всегда однимъ путемъ.*

.....
 Короны блескомъ ослѣпленный
 Другой въ подвластныхъ зреть — рабовъ;
 Но Ты, душею просвѣщенный,
 Не терпишь стужа ихъ оковъ,
 Тебѣ одна любовь прелестна:
*Но можно ли рабу любить?
 Ему ли благодарнымъ быть?
 Любовь со страхомъ не совместна;
 Душа свободная одна
 Для чувствъ ея сотворена.
 Сколь необузданность ужасна,
 Столь ты, свобода, намъ мила,
 И съ пользою Царей согласна;
 Ты вѣчно славою ихъ была.
 Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
 Гдѣ добрый не боясь живетъ;
 Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
 Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
 Свобода мудрая свята,
 Но равенство одна мечта,
 Трудись!... давай уставы намъ,
 И будешь первый — по дѣламъ!*

Молодые наши судьи, къ которымъ нѣсколько разъ обращалъ я рѣчь, упрекають старыхъ литераторовъ въ лести. Никакая лесть не опасна, сопровождаемая подобными уроками. Нѣтъ, Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, не лестили, какъ видимъ изъ

приведенныхъ нами мѣсть, а учили царей между строгами кажущейся лести, которая принадлежала къ языку, обычаю, формамъ времени.

Ода представлена была государю Д. П. Трошинскимъ, котораго Карамзинъ просилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Естьли приложенные стихи могутъ заслужить Ваше лестное для меня вниманіе, то я осмѣлился бы утрудить Васъ просьбою вручить ихъ нашему Монарху въ знакъ патриотическаго усердія московскихъ Музъ. — Зная, сколь время драгоцѣнно для министра, помогающаго великому Государю управлять великою Имперіею, не могу надѣяться, чтобы я получилъ отъ Васъ дозволеніе лично изъявить Вамъ мою сердечную признательность и то высокопочитаніе, съ которымъ имѣю честь быть» и проч.

Карамзинъ занятъ былъ въ это время сочиненіемъ историческаго похвальнаго слова императрицѣ Екатеринѣ. Ободренный благосклоннымъ принятіемъ двухъ его одъ, онъ вознамѣрился выразить яснѣ свои мысли о желаемомъ правленіи въ описаніи дѣйствій покойной государыни, которыми стяжала она отъ своихъ подданныхъ признательную память. Примѣръ казался для Карамзина гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе всѣхъ умозрительныхъ, отвлеченныхъ разсужденій, тѣмъ болѣе, что они могли подать еще поводъ къ невыгоднымъ предположеніямъ о непрощенныхъ наставленіяхъ, а по мнѣнію другихъ, пожалуй, и дерзкихъ. Подъ шитою императрицы Еватерини, которой имя было возвѣщено въ первомъ манифестѣ, Карамзинъ могъ гораздо безопаснѣе проводить свои собственныя мысли, гораздо успѣшнѣе внушать желаемыя понятія о царскихъ обязанностяхъ. Къ чести его надо припомнить, что онъ здѣсь совершенно забылъ несправедливость покойной государыни, въ отношеніи къ нему самому, или объяснилъ ее безпристрастно естественностію ея подозрѣній, тѣми тревожными обстоятельствами и опасеніями, среди которыхъ она провела послѣдніе годы своей жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ умѣлъ возвыситься надъ личностями, частностями и мелочами, и хотѣлъ только почтить благодаренія, разлитыя императрицею Екатериною въ отечествѣ, чтобъ ея преемникъ выразумѣлъ основательно ея достоинства, и виѣнилъ себя въ обязанность идти по слѣдамъ ея. Въ этомъ отношеніи онъ пропустилъ, и даже не намекнулъ объ ея недостаткахъ и порокахъ, потому ли, что считалъ неприличнымъ принимать на себя слишкомъ явно учительный тонъ, опасался оскорбить тѣмъ самолюбіе молодого государя, или считалъ неумѣстнымъ, въ похвальномъ словѣ, судить обо всей жизни въ совокупности, или,

наконецъ, до того очаровался общими впечатлѣніемъ блистательнаго царствованія, что всѣ тѣни ускользнули въ эту минуту отъ его вниманія.

Дира настроена была Карамзинимъ на высочій ладъ, и языкъ его въ этомъ сочиненіи возвышается вмѣстѣ съ предметомъ. Это уже не языкъ „Писемъ Русскаго путешественника“ и прочихъ произведеній его молодости: языкъ Похвальнаго слова, вмѣстѣ съ Мареею Посадницею, о которой вскорѣ говорить будемъ, составляетъ переходъ къ исторіи, возбуждаетъ новыя надежды на развитіе автора и служитъ доказательствомъ его разнообразныхъ способностей. Вы слышите истиннаго оратора, который переходитъ отъ силы къ силѣ, и начинаетъ говорить со властію.

Екатерина бессмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благотѣльными учрежденіями. По этому простому и ясному чертежу Карамзинъ на нѣсколькихъ страницахъ представляетъ полное обзорнѣе ея царствованія въ картинѣ, истинно великолѣпной. Надо удивляться его умѣнью выбирать главныя существенныя черты изъ множества подробностей, его искусству представлять ихъ въ образахъ привлекательныхъ, соблюдать соразмѣрность въ частяхъ.

Первое отдѣленіе о войнахъ турецкой, польской, шведской, не представляло особыхъ трудностей для таланта, давая краски, такъ сказать, готовныя, но второе и третье по сухости предмета, по множеству составныхъ частей, ихъ относительной неизвѣстности, требовали усилій необыкновенныхъ! поддержать занимательность, упростить, сдѣлать доступнымъ для всѣхъ содержаніе — и авторъ вышелъ изъ своего труднаго положенія со славою.

Мы предложимъ здѣсь важнѣйшія мѣста изъ „Слова“, примѣчательныя по силѣ, вѣрности, смѣлости мыслей, или по краспорѣчию.

«Негерцѣливыя мысли мои спѣшать устремиться на многіе предметы, столь любезныя уму и сердцу, но прежде», говоритъ Карамзинъ въ началѣ, «означимъ главное, и столь новое для Россіи, благодѣяніе Екатерины, которое изъясняетъ всѣ другія, и которое всѣми другими изъясняется; означимъ, такъ сказать, священный корень нашего блаженства во дни ея—сію печать, сей духъ всѣхъ ея законовъ...»

Въ чемъ же Карамзинъ полагаетъ это главное и новое для Россіи благодѣяніе? Въ чемъ состоитъ, по его мнѣнію, священный корень нашего блаженства, печать, духъ законовъ императрицы Екатерины?

«Она уважила въ подданномъ санъ человѣка, моральнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни... Екатерина преломила

обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что Владыки земные *должны* властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долгодѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ Россійскаго трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтели...» (Т. 1, с. 302).

Послушаемъ, на какихъ основаніяхъ дорожится необходимость самодержавія.

«Мое сердце не менѣ другихъ воспламеняется добродѣтельно великихъ республиканцевъ; но сколь кратковременны блестящія эпохи ея? Сколь часто именемъ свободы пользовалось тиранство, и великодушныхъ друзей ея заключало въ узы? Чье сердце не обливается кровью, воображая Мильяда въ темницѣ, Аристиды, Фемистокла въ изгнаніи, Сократа, Фокіона, пьющихъ смертную чашу, Катона самоубійцу, и Брута, въ послѣднюю минуту жизни уже не вѣщающаго добродѣтели? Или людямъ надлежитъ быть ангелами, или всякое многосложное правленіе, основанное на дѣйствіи различныхъ воель, будетъ вѣчнымъ раздоромъ, а народъ несчастнымъ орудіемъ нѣкоторыхъ властолюбцевъ, жертвующихъ отечествомъ личной пользѣ своей» (312).

А въ чемъ состоитъ сущность самодержавія, по мнѣнію императрицы Екатерины?

«Самодержавство разрушается, когда Государи думаютъ, что имъ надобно изъявлять власть свою не слѣдованіемъ порядку вещей, а перемѣною оного, и когда они собственныя мечты уважаютъ болѣе законовъ. Самое высшее искусство монарха состоитъ въ томъ, чтобы знать, въ какихъ случаяхъ должно употребить власть свою: ибо благополучіе самодержавія есть отчасти кроткое и снисходительное правленіе. Надобно, чтобы Государь только ободрялъ, и чтобы одни законы угрожали. Несчастливо то государство, въ которомъ никто не дерзаетъ представить своего опасенія въ разсужденіи будущаго, не дерзаетъ свободно объявить своего мнѣнія».

Въ заключеніе, императрица Екатерина говоритъ: „Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые безпрестанно твердятъ земнымъ Владыкамъ, что народы для нихъ существуютъ. Но мы думаемъ, и за славу себя смѣняемъ сказать, что мы живемъ для нашего народа...“ (327).

Карамзинъ, приводя эти слова, восклицаетъ:

«Я вѣрю своему сердцу: ваше, конечно, тоже чувствуетъ.... Сograждане! сердце мое трепещетъ отъ восторга: удивленіе и благодарность производятъ его. Я лобызаю Державную руку, которая, подъ божественнымъ *вдохновеніемъ* души, начертала сіи священныя строки! Какой Монархъ на тронѣ дерзнулъ такъ, *дерзнулъ* объявить своему народу, что слава и власть Вѣвченосца должны быть подчинены благу народному; что не подданные существуютъ для Монарховъ, но Монархи для подданныхъ?» (327).